

Не мёртво то, что в вечности живет,
Со смертью времени и смерть умрет.

Говард Филлипс Лавкрафт

ПРОЛОГ

Это было страшное место. Самое страшное из всех, где ей доводилось бывать. Да, она была совсем мала, но за свою короткую жизнь испытала и насмотрелась столько, сколько другим и за пятьдесят лет не доведется.

Домишко, где она жила с родителями, братьями и сестрами, был тесный и темный, как собачья конура. Изуродованная нищетой и тяжелой работой мать по утрам смотрела на семерых детей хмуρο и разочарованно, как будто надеялась, что за ночь их станет меньше: кто-то из отпрысков не проснется — и тогда еды нужно будет меньше.

Три мальчика и две девочки умерли, исполнив тайное желание матери, но остальные цеплялись за жизнь, упорно не желая покидать этот мир. Хотя, видит бог, ничего хорошего тут для них не

АЛЬБИНА НУРИ

было, только изнурительный труд с утра до вечера, борьба за кусок хлеба, возможность забыться в хмельном дурмане по выходным, супружество с такими же несчастными и воспроизведение новых поколений, обреченных на беспросветную нищету и отупляющую работу.

Девочка отличалась от других. Она была самой красивой не только в их семье, но и в кругу соседей, родственников, знакомых. Идеальные черты лица, волосы, струящиеся блестящей черной волной, фарфоровая кожа...

«Откуда только взялась такая», — дивились родители.

Соседка как-то сказала: едва девочка немного войдет в возраст, ее надо отправить работать на улицу — там хорошие деньги получать можно, клиенты бывают щедры к таким куколкам, пока те молоды и хороши. Поможет семье!

— Мы ей мужа отыщем богатого, — смеялась мать. — Еще лучше.

— Где его взять-то, такого? — сердился отец.

Малышку ждала злая доля — сияющие глаза, хрупкая фигурка и изящные руки не могли спасти от нее, а, наоборот, усугубляли положение. Она старалась быть полезной, помогать матери по дому, присматривать за младшими, не перечить и быть услужливой, но знала, что ее старания напрасны.

Сквозь страх

Она много раз видела уличных девиц: они ходили с непокрытыми головами и грубо размалеванными лицами, визгливо смеялись и крутили бедрами, зазывая мужчин.

Ей не хотелось становиться похожей на них, а чего хотелось, она и сама не понимала. Должно быть, уйти отсюда, оказаться подальше от постылого дома, кривой улицы, серого жестокого города... Наверное, девочка хотела этого слишком сильно, ведь когда желаешь по-настоящему отчаянно, тебе это даруют. Неизвестно только, к добру или к худу.

Девочку забрали из пропахшего грязным бельем, сыростью и кислыми щами дома на окраине. За ней приехал дорого одетый человек в красивой коляске, поговорил о чем-то с матерью и отцом — те были рады. В конце мать даже порывалась поцеловать руку тому господину, но он брезгливо отдернул ладонь.

— Иди с ним, — сказал отец, повернулся и скрылся в доме.

Мать вскользь глянула на дочь, погладила по волосам — это была первая и единственная за всю жизнь ласка — и проговорила:

— Будь послушна. Делай все, что тебе говорят, и содержи себя в чистоте.

Братья и сестры толпились у окошка. Самые младшие, поняв, что ее увозят, заплакали, не же-

АЛЬБИНА НУРИ

лая расставаться с нянькой, но их слезы остались без внимания, как и робкие вопросы девочки, которые она попыталась задать матери. Та, ни слова больше не произнеся, молча ушла в дом вслед за отцом. Дверь за ней закрылась, а девочку усадили в коляску и повезли.

Так она и очутилась тут, в месте, которое по прошествии нескольких дней стало казаться еще ужаснее отчего дома (а ведь, казалось бы, что может быть хуже?).

Ее продали — это она поняла сразу. Не поняла только, кому и зачем.

И не понимала до сих пор, хотя прошло уже больше двух недель, как она попала сюда.

Как выглядел дом со стороны улицы, девочка не знала, как не ведала и того, на какой улице он находится. Сюда не долетали звуки внешнего мира, окна в ее комнате не было, отчего помещение казалось похожим на подвал, хотя находилось на втором этаже. Раз в день девочку выводили на прогулку во внутренний дворик, на крошечный, огороженный со всех сторон пятачок. Она видела маленький цветник, старую яблоню, кусок белой стены.

Внутри дома был прохладный коридор с толстыми коврами и картинами, тусклые светильники, тяжелая резная мебель. Богатое убранство, девочке раньше не приходилось видеть ничего

Сквозь страх

подобного. Конечно, она бывала только в одной комнате, видела темную узкую лестницу для прислуги и всего один коридор. В большом доме, конечно, было много коридоров, комнат и лестниц, но девочке никто не собирался все это показывать.

Как не собирались с ней и говорить.

Ни одного ответа ни на один вопрос.

Ни единого слова, обращенного к ней.

Ни улыбки, ни дружеского или враждебного жеста.

Девочку словно не замечали, ее будто и не было, но вместе с тем вкусно и сытно кормили, мыли, застилали для нее широкую кровать с пологом. Возвращаясь с прогулки, она замечала, что в комнате прибрались: вытерли пыль, вымыли полы, вычистили отхожее место.

В первый день ее осмотрел доктор. Ощупал живот, руки и ноги, заставил открыть рот. Проверил и внизу живота, между ногами. Это было немного больно, а главное, стыдно, очень-очень стыдно, и девочка съежилась, глотая слезы.

Доктора, высокого и толстого человека с плоским лицом и вывернутыми губами, видимо, устроило то, что он увидел. Он коротко проговорил, засовывая в саквояж инструменты:

— Все в порядке. Не обманули.

Адресовал он эти слова женщине, которая стояла в углу. Позже девочка видела ее еще много

АЛЬБИНА НУРИ

раз: она заходила, чтобы поглядеть на пленницу, и молча покидала комнату. Девочка решила, что это хозяйка дома.

Женщина была красивой, но красота эта не радовала, а скорее пугала: миндалевидные черные глаза смотрели холодно, гладкая кожа казалась чересчур бледной, а слишком яркие губы — окровавленными.

Услыхав вердикт, женщина усмехнулась краем рта, изогнула бровь:

— Попробовали бы они сделать это.

Девочка, пусть и была мала, догадывалась, о чем идет речь. Все же она выросла там, где жили скученно и оттого бесстыдно, на виду у всех, не имея возможности скрыть самое интимное; где не делалось скидок на детский возраст.

Она знала, что иногда мужчины и женщины проделывают непонятные вещи, а в результате у женщины начинает вспухать живот, из которого после появляются на свет дети. А еще порой мужчины хотят делать это не только с законными женами, но и с другими женщинами (теми самыми, бесстыжими, гулящими), и готовы платить им.

Так что девочка понимала, о чем говорили доктор и хозяйка дома: родители не солгали в том, что прежде с их дочерью никто из мужчин этими вещами не занимался.

После первого появления доктор еще появлялся в комнате девочки, но осмотр был не столь

Сквозь страх

тщательным, он просто желал убедиться, что она хорошо себя чувствует, не больна, у нее нет лихорадки и простуды, не болит живот или голова.

Итак, ее хорошо кормили, внимательно следили за тем, чтобы у нее было все необходимое, давали удобную и красивую одежду, держали в чистой и теплой комнате. Но с каждым днем девочке становилось все страшнее.

Она от природы была наделена живым умом, чувствительностью и хорошим воображением, а потому не могла, как, возможно, многие другие на ее месте, просто радоваться тому, что в кои-то веки сыта, согрета, хорошо одета и обута. Не могла не думать, не волноваться, не представлять, что ждет ее в будущем, не спрашивать себя, чем ей придется расплатиться за предоставленные неизвестно почему блага.

А в том, что это не дается ей даром, она была твердо убеждена. Девочка росла в безжалостном мире и четко знала: ничего на свете не бывает просто так, за все нужно платить.

Чем же заплатит она? Что потребуется отдать людям, которые держат ее в доме, взамен на еду и тепло?

Однажды, когда ей принесли на ужин пирог из пышного теста со сладкой начинкой, а еще кисель и ароматные груши, девочке пришла в голову догадка, от которой она похолодела. Ладони

АЛЬБИНА НУРИ

сделались ледяными и влажными, а за шиворот словно насыпали снега.

Она оказалась в плену у людоедов! Мать и отец продали дочь тем, кто собирается откормить ее хорошенько, а после съесть. Как-то она слышала сказку, которую рассказал детям старьевщик.

Он был немного не в своем уме, соседские мальчишки смеялись над старичком с тележкой, полной всякого барахла, а взрослые не одергивали их, тоже считая старика сумасшедшим. Должно быть, если постоянно находиться в окружении выброшенных, сломанных, ставших ненужными своим хозяевам вещей, то и сам постепенно ломаешься, забываешь, кто ты, зачем родился на свет, о чем мечтал когда-то.

Девочка не смеялась над стариком. Более того, он казался ей хорошим человеком, лучше многих, ведь он никому не делал зла, не кричал и не ругался, не пил водки, а еще знал много историй. Когда он появлялся на их улице, девочка подходила к нему, шла рядом и слушала. Колеса тележки скрипели, глуховатый голос старика звучал успокаивающе, а его сказки открывали неизвестные миры.

Старик перестал приходить прошлой осенью. Должно быть, умер. Где он жил, девочка не знала, а то нашла бы возможность навестить его. Но старик просто пропал. Возможно, переместился в одну из своих сказок...

Сквозь страх

Появившись в последний раз, старьевщик рассказал девочке самую страшную из своих историй. То был рассказ про девочку и мальчика с чужеземными именами, которые трудно было выговорить и невозможно запомнить. Они оказались в лесу и увидели красивый дом, сделанный из сладостей: окошки-леденцы, стены из печенья и пряников, наличники и дверь из шоколада и мармелада. Девочка, которая тогда еще не проговорила почти ничего из перечисленного, кроме разве что леденцов на палочке, была в восторге — пока старьевщик не поведал, что в домике жила злая колдунья, которая заманивала в свой домик детей, а после пожирала их.

Дети оказались запертыми в милом домике, откуда не было выхода. Их посадили в клетки, и от немедленной смерти несчастных спасала лишь смекалка: старуха не желала есть отощавших детей, ей хотелось побольше сладкого, сочного мяса, поэтому она кормила свой будущий ужин. А когда хотела убедиться, что жирок нарастает, совала в клетку руку и ощупывала пленников, как повар мясо на рынке перед покупкой. Колдунья была подслеповата, и ей подсовывали косточку, а она злилась, что дети никак не желают набирать вес.

Долго это продолжаться не могло, но дети оказались находчивы: когда ведьма собралась-таки полакомиться ими, сами отправили ее в печь.

АЛЬБИНА НУРИ

У сказки был счастливый конец, но девочка долго не могла оправиться от услышанного, ставила себя на место обреченных на съедение детей, ей даже снилось, будто это ее посадили в клетку.

Глядя на стол, уставленный едой, девочка поняла, что та сказка и вправду оказалась про нее. Только теперь она знала, что у старухи нет уродливого горба, нечесаных седых волос и глубоко посаженных красных глаз, как рассказывал старьевщик. Нет. Ведьма была молода и хороша собой, однако намерения ее оставались точно такими же, как описал старик.

Девочка была так напугана, что не могла есть, а утром пришел доктор: решили, что она заболела, вот и отказывается от еды. Не спавшая всю ночь, трясущаяся от страха девочка от отчаяния решила попробовать убежать: доктор был толстым и неповоротливым; молчаливой (вероятно, даже немой) коренастой служанки, которая кормила девочку и убирала комнату, не было.

Бедняжка вывернулась из рук доктора и побежала по коридору, сама не зная, куда, в какой стороне выход. Дворик, где она гуляла, окружал высокий забор, через него не перелезешь, а калитка заперта на замок. Значит, надо попробовать найти главный вход или окно, через которое можно выбраться, или...

Сквозь страх

Ничего сделать девочка так и не успела. В конце коридора ее поджидала ведьма-людоедка, хозяйка пряничного дома.

— Далеко собралась? — насмешливо спросила она и схватила девочку за плечо.

Пальцы ее были холодными и твердыми, как каменные стены ее темницы, а хватка цепкая и сильная. Девочка забилась в руках ведьмы, а тут и доктор подоспел, пыхтя и отдуваясь, и служанка, и еще какой-то высокий седовласый человек.

Вернуть девочку в комнату им не составило никакого труда, а она изо всех сил старалась не расплакаться, чтобы не показывать им свой страх и слабость.

— С чего тебе вздумалось бежать, глупышка? — спросила хозяйка. — Разве тебе плохо тут? Хуже, чем в доме твоих никчемных родителей? Тебя холят и лелеют, как принцессу, заботятся о тебе, как никогда и никто прежде.

— Вы хотите меня съесть! — выкрикнула девочка, не давая ведьме договорить.

На красивом лице отразилось удивление, а после она рассмеялась — сухо и безрадостно, как зимний ветер, завывающий в трубе.

— Надо же, — проговорила она, отсмеявшись, — да ты у нас выдумщица! Не волнуйся, детка, тебя не собираются есть.

— А что тогда? Зачем я вам?

АЛЬБИНА НУРИ

Разумеется, ведьма не ответила, просто повернулась и ушла. С того дня девочку охраняли еще тщательнее, но она и сама уже больше не пыталась бежать: понимала, что все бесполезно.

Через несколько дней пленница проснулась утром и обнаружила, что в комнате полно людей. Тут были хозяйка, доктор, двое мужчин, а еще старуха, сидевшая в кресле напротив кровати. Не понимая, как могла не услышать их шагов, скрипа открываемой двери, перешептываний, девочка открыла глаза и села, подтянув одеяло к груди.

— Значит, вот она, — проскрипела старуха.

На ней было темно-синее платье из плотной поблескивающей ткани, ворот застегнут тяжелой камеей. Цвет платья подчеркивал болезненную желтизну кожи, губы были настолько узкими и бесцветными, что казалось, будто их вообще нет. Полный неестественно белых и крупных зубов рот открывался и закрывался, как черная дыра. Гостя выглядела не просто старой, а ветхой и хрупкой, похожей на сухое дерево, лишившееся всех своих жизненных соков.

— Велите ей встать и одеться, я хочу посмотреть, — продолжала старуха.

Девочке пришлось делать все, как она сказала.

Служанка действовала умело и ловко, и вскоре девочка была одета, умыта и причесана.

Сквозь страх

— Хорошо, — кивнула старуха. — Очень хорошо. Она действительно красива. — Губы разъехались в улыбке. — И выглядит свежей.

«Она говорит обо мне, точно я кусок мяса или рыбы, — подумала девочка. — И будто меня тут нет».

— Вы довольны? — осведомился мужчина, стоявший подле хозяйки дома. Та поглядела на него со скрытым недовольством, как будто он сказал что-то лишнее.

Старуха поднялась с кресла.

— Присматривайте за ней, — произнесла она. — Хорошенько за ней присматривайте.

Наверное, это должно было означать, что старуха довольна.

Вскоре посетители покинули комнату, и девочка осталась одна. Ей принесли завтрак, а потом вывели погулять. Крапал дождик — мелкий и бесшумный, похожий на водяную пыль, повисшую в воздухе. Девочка стояла во дворике, а служанка, вытянув руку, держала над ней раскрытый зонт.

Вот в тот момент девочка и поняла окончательно, со всей очевидностью, что ей не спастись. Не покинуть этот дом, не вернуться в большой мир.

Поняла и покорилась.

Эти люди, кем бы они ни были, может, и вовсе не людьми, сделают с нею то, что задумали.

АЛЬБИНА НУРИ

А ей придется подчиниться, ведь она мала, слаба и не сумеет противиться чужой воле.

Некому помочь. Некого позвать на помощь. И ничего с этим не поделать.

Дождь усиливался, и служанка увела свою подопечную в дом.

Тяжелая дверь захлопнулась за спиной у девочки, как крышка гроба.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я все еще не могу понять, как так вышло. Как все это случилось со мной, почему я позволила этому произойти.

Беспомощные вопросы, ответы на которые нужно было искать раньше.

Но, с другой стороны, это машина врывается в столб внезапно, а жизненные изменения происходят постепенно, исподволь, незаметно.

Я тоже не замечала, а когда раскрыла наконец глаза, было уже поздно. Впрочем, моя мама говорит, что никогда не бывает слишком поздно, всегда есть выход. Только вот мама не оказывалась в *такой* ситуации.

И мало кто оказывался. Потому что ситуация...

Ладно, лучше начать по порядку. Если сумею изложить все подробно, вспомнить малейшие детали, есть вероятность, что получится составить в голове полную картину, разобраться.

Получить шанс на спасение.

АЛЬБИНА НУРИ

Ведь у каждого должен быть шанс, верно? Это тоже мама говорила, и вот тут я с ней полностью согласна.

...Все началось весной, в конце марта. Вернее, конечно, намного раньше, но именно с двадцать шестого марта пошел отсчет событий. Возможно, в тот день еще существовала вероятность все изменить, но мы ею не воспользовались.

А скорее всего, даже тогда было уже поздно.

— Лора! — Голос Юры вибрировал от счастья. Кажется, он так не радовался, даже когда я согласилась выйти за него замуж. — Ты что, не поняла еще ничего? Или ты не рада?

Лора — это производное от Лауры. Так меня назвали родители, и в этом нет ничего особенно удивительного. Я родилась в Казани, а там часто дают необычные имена, особенно детям от смешанных браков (как раз мой случай: папа у меня русский, а мама — татарка). В Казани (и в целом в Татарстане) никто не удивляется, когда слышит имена вроде Эвелины, Венеры, Луизы, Альбины, Рафаэля или Альфреда. Лаура — в том же ряду.

Но в моем случае имя быстро переродилось в Лору, и мне хотелось официально закрепить эту перемену, только мама отговорила: возникнет путаница, придется менять слишком много документов, то и дело нужно будет подтверждать,

Сквозь страх

что Лаура и Лора — один и тот же человек. Да и в целом имя Лаура ей очень нравилось, мама никогда не называла меня Лорой.

Я решила, что эти сложности со сменой документов мне ни к чему. А потом окончательно выбросила эту идею из головы, потому что отправилась учиться в Быстрорецк (если честно, университетов и институтов много и в Казани, но мне захотелось перемен, самостоятельности, приключений), вскоре встретила Юру, с головой окунулась в наш бурный и прекрасный роман и вышла замуж.

В тот мартовский день, когда Юра сообщил мне потрясающую новость, мы с ним стояли в тесной кухне нашей маленькой квартирке на шестом этаже девятиэтажного дома. «Зато своя» — этими двумя словами исчерпывались все достоинства нашего жилища.

Девятиэтажка торчала в ряду своих братьев-близнецов на окраине города. Летом тут было пыльно и жарко, мало зелени и много машин. Зимой дворы заваливало снегом, и сломанная «семерка» нашего соседа, что стояла у подъезда, превращалась в гигантский сугроб, оттаивая уже по весне (вместе с пластиковыми бутылками, собачьими какашками, упаковками от чипсов и прочими «подснежниками»).

Я люблю Быстрорецк, это большой город, шумный и оживленный, как и положено мегапо-

АЛЬБИНА НУРИ

лису. Мне нравится смотреть на реку Быструю, что пронзает его серебристо-синей стрелой, я люблю гулять по старому центру, мне нравятся размах Быстрорецка и его беспокойный характер. Но спальные районы нагоняют на меня тоску. Безликие строения, захламленные балконы, однотипные детские площадки, ряды машин, припаркованных возле домов...

Тут можно всю жизнь прожить, не зная, кто обитает в соседней квартире. На тебя обратят внимание, только если ты затопишь квартиру этажом ниже или будешь бузить и орать по ночам, мешая людям заснуть.

Мы с Юрой, конечно, радовались, что имеем собственное жилье, но мечтали переехать за город, поселиться в большом доме. Особенно актуально это стало, когда появилась Ксюша: троим в однушке совсем мало места, не разминуться.

А уж когда стало ясно, что нас станет четверо!..

Материнский капитал — вот что должно будет спасти нас от тесноты. Продать эту квартиру, добавить предлагаемые государством сколько-то там сотен тысяч рублей — вот тебе и взнос за квартиру побольше. Или за дом в коттеджном поселке, если банк одобрит. Остальное мы выплатим, возьмем ипотеку, оба же работаем.

Это был хороший план. Точнее, он казался хорошим, пока на смену ему не пришел лучший. Лучшее — враг хорошего, так ведь говорится? Но

Сквозь страх

я в тот момент не понимала этого. А может, эту фразу вообще все неправильно понимают.

Я немного сумбурно рассказываю, сбивчиво. Непросто собраться с мыслями, а ведь очень хочется донести все в точности, ничего не упустив.

Так вот, Юра радовался. Сейчас объясню, чему именно, в чем заключалось то самое, «лучшее». Но для этого придется немного отступить в прошлое, буквально на три месяца.

Мы встречали Новый год дома.

Моя мама по-прежнему живет в Казани, у нее новый муж: она вышла замуж через десять лет после смерти папы. Иногда мы праздновали встречу грядущего года у родителей Юры, но три года назад они развелись. Отец отчалил в счастливое будущее с молодой женщиной, а вскоре умер от инфаркта.

Мать, погоревав сколько положено (скорее об измене, чем о скоропостижной кончине супруга), вдруг осознала, что жизнь проходит, и стала всеми силами останавливать ее, пытаясь замедлить ход времени: постоянно куда-то ездила, встречалась с подругами, похудела на пять килограммов и накупила, по мнению Юры, совершенно выходящей одежды, а еще запретила Ксюше на людях называть ее бабушкой.

Недавно у Татьяны Петровны появился поклонник. Говорю все это отнюдь не с осуждением: человек волен проживать жизнь так, как захочет!

АЛЬБИНА НУРИ

Я всего лишь объясняю, что встречать наступающий год в нашей тихой компании Юрина мама, внезапно обретшая вторую молодость, не собиралась.

Наше трио вознамерилось традиционно поесть салатов, отведать пельменей, запустить салют, зажечь бенгальские огни, загадать желания и пожелать друг другу счастья под бой курантов, вытащить из-под елочки подарки, сделав вид, что содержимое пакетов и коробок — полная неожиданность, и улечься спать.

Ксюша не ждала Деда Мороза, она перестала в него верить еще в прошлом году. Теперь ей семь, она первоклассница, взрослая дама, так что подарки заказала напрямую нам с Юрой, минуя посредника.

Однако новогодний сюрприз нас всех все-таки ждал — в лице Агаты, которая завалилась в одиннадцатом часу вечера, взбудораженная, пьяная и несчастная, хотя пытающаяся это скрыть.

Надо хорошо знать Агату, чтобы понять, до какой степени это непохоже на мою лучшую подругу. За все время нашего знакомства я ни разу не видела ее в таком состоянии.

Агата — выдающийся человек. Она успешная — как бы банально и пошло это ни звучало. Выпускница одного из самых престижных вузов, диплом с отличием, стажировка за рубежом, английский, французский, немецкий в совершен-

Сквозь страх

стве. Моя подруга — в числе лучших юристов города; в самой крупной, солидной юридической компании Быстрорецка, на нее едва ли не молятся, вот уже пятый год она заместитель директора, а назначили ее, когда Агате было двадцать девять лет (надо понимать, что конкуренция была огромной, а желающих занять пост — десятки).

Заметим в скобках, что всего этого она добилась сама, потому что богатеньких родителей у нее нет. Да никаких нет: Агата выросла в детском доме, так что жизненный старт у нее был куда менее выигрышный и многообещающий, чем у большинства. Про протекцию влиятельных любителей говорить смешно, Агата не из числа рыбок-прилипал.

Внешне она тоже само совершенство: синие глаза, безупречные черты лица, густые темные волосы, фигура — все при ней. В сочетании с умом и прочими талантами ее красота производит сногшибательный эффект. При этом Агата не тщеславна, не высокомерна, не дает всем на каждом повороте понять, что она уникум, поэтому обращаться с нею требуется соответственно.

Познакомились мы случайно, на выставке модного художника, уже и не вспомню, как его звали. Мы были с Юрой, а Агата — с мужчиной, с которым тогда встречалась. Мужчина потом куда-то делся, а Агата осталась в нашей жизни. Теперь я и не представляю, что когда-то ее не было в

АЛЬБИНА НУРИ

моей жизни. Хотя знаем друг друга всего три года, мне кажется, что дружим всю жизнь, с пеленок.

Ясное дело, такая женщина — нарасхват. Желających добиться ее внимания — толпы. Но в личной жизни Агате долгое время не везло, не складывалось как-то. А потом она познакомилась с Виталием.

Он жил в Москве, но это не мешало влюбленным встречаться. Отношения их были похожи на голливудский фильм: обеды и ужины в лучших ресторанах, посещение громких премьер и концертов; путешествия в Австралию, Бразилию и Японию, отпуск на Мальдивах, выходные в Вене или Париже. Агата даже согласилась принять от Виталия в подарок рубиновое кольцо и серьги с бриллиантами (обычно не допускала этого, считала дурным тоном, говорила, что все может купить сама).

Перед католическим Рождеством Виталий сделал любимой предложение, и они должны были вместе лететь в Италию встречать Новый год. Так что можно представить, каким шоком для нас с Юрой стало появление Агаты на пороге нашей скромной квартиры!

На подруге было серебристо-белое вечернее платье, туфли на шпильке и шуба. Косметика размазалась, прическа растрепалась.

— С праздником, — не совсем внятно сказала Агата, не делая попытки войти и привалившись к дверному косяку. — Не прогоните?

Сквозь страх

Я втащила подругу внутрь.

— Ты откуда взялась? Что случилось? А Виталий где? Он с тобой?

Она картинно огляделась.

— Виталий! Ау, милый, ты где? — Агата развела руки в стороны, и вот тут я и заметила, что она вправду много выпила. — А нету никакого Виталия, представляешь? И не будет.

Дальше произошло нечто совсем уж из ряда вон: Агата прижала ладони к лицу и расплакалась.

— Так, девчонки, давайте-ка успокоимся, — решительно проговорил Юра, заметив мою растерянность.

Он ловко помог Агате освободиться от шубы и принес стакан воды. Потом она с моей помощью сняла туфли, переобулась в тапочки и умылась, а ближе к двенадцати мы у ourselves за стол: пора было проводить старый год и поприветствовать новый. Ксюша устала уже нас звать, а ведь для ребенка это самый долгожданный и волшебный праздник в году.

Агата сумела взять себя в руки — характер у нее боевой и стойкий. Мы прослушали бой курантов, выпили шампанского (даже я пригубила). Ксюша заставила нас написать желания на бумажках, сжечь их, смешать пепел с шипучкой и выпить. Она хлопала в ладоши и смеялась, мы тоже делали вид, что нам очень весело.

АЛЬБИНА НУРИ

Позже, когда ребенок стал клевать носом, Юра уложил дочку спать, и мы снова вернулись к столу.

— Что ж, ребятки, бросил меня Виталик, — сказала Агата, прикусив губу. Я испугалась, что она снова заплачет, но этого не случилось, подруга держалась, как стойкий оловянный солдатик. — Ни Италии, ни свадьбы. Ничего у нас с ним никогда не будет.

Мы с Юрой переглянулись.

— Как же так? Расскажешь почему? — спросил он, а я поспешно прибавила:

— Если тебе трудно, не говори. Просто посидим, на балкон можем выйти, воздухом подышать и...

— Расскажу, конечно, — прервала меня она. — Вы мои единственные близкие люди. Родственники, можно сказать. — Агата грустно улыбнулась. — Какие у меня от вас могут быть секреты?

Когда она закончила свой короткий рассказ, у меня в голове пульсировали две мысли. Первая — какая же скотина этот Виталик. Вторая — как я могла позволить себе хотя бы на минуту подумать об аборте (а я ведь подумала в первый момент, до того как мы с Юрой стали обсуждать возможности переезда в новое жилье). Я-то могу забеременеть и родить, еще и размышляю, стоит ли, а есть женщины, которым этого не дано.

Мы с Юрой знали главную боль Агаты: она не могла иметь детей. Проблема была настолько

Сквозь страх

серьезной, что ее невозможно было решить ни в одной клинике, за все деньги мира. Агата мечтала о детях, обожала Ксюшу, всегда охотно возилась с ней и оставалась понянчиться, если мы просили, но самой ей было отказано в счастье стать матерью. Диагноз был поставлен еще в юности, а после подтвержден в ведущих клиниках, куда обращалась Агата.

Виталию она сказала о своей беде, не стала скрывать, не такой она человек. Боялась, как он отреагирует, но тот воспринял известие спокойно. Сказал, что любит ее, а ребенка можно будет усыновить, удочерить.

Но сегодня сообщил, что еще раз все обдумал и понял: брак без детей невозможен. Причем нужен ему не приемный ребенок, которого он, скорее всего, не сумеет полюбить, а родной.

— Я, говорит, считаю, что мы должны быть честны с собой и друг другом. Все равно я начну винить тебя, так зачем доводить до такого? Не лучше ли расстаться сейчас, когда мы еще не связали себя узами брака?

— Вот просто так взял и сказал? — Я не могла поверить. Такая была любовь!

— Не просто так, — спокойно произнесла Агата. — По телефону. Он должен был прилететь сегодня утром. Решил не прилетать.

Это было совсем уж за гранью, и мы с Юрой потеряли дар речи.

АЛЬБИНА НУРИ

— Я сказала, что так и правда лучше, поблагодарила за честность и надралась как сапожник. Целую бутылку коньяка выпила в одно лицо — все казалось, не берет. Не хотела к вам ехать, настроение портить, а потом как-то само собой вышло... Бац — и я уже тут как тут. Простите.

— Прекрати извиняться! — возмутился Юра. — Надо было сразу.

— Виталий тебя не заслуживает, — подхватила я. — Такой козел с возу — кобыле легче!

— Это я, что ли, кобыла? — усмехнулась Агата.

Я тоже фыркнула от смеха — вечно умудряюсь ляпнуть, и минуту спустя мы все хохотали, не могли остановиться. Видимо, пережитое напряжение сказалось. А когда отсмеялись, Агата произнесла слова, которые стали судьбоносными.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Говорила Агата не о нас, а о себе. Сказала, что ей так и не удалось сменить фамилию.

— Навсегда, видно, останусь Летовой.

Тут надо оговориться, что фамилия Агаты, если так можно выразиться, выдуманная. Возраст тоже приблизительный, а днем рождения считается день, когда ее нашли сидящей на лавочке на игровой площадке детского сада.

Кто привел туда девочку, пришла ли она сама, было не ясно и так никогда не выяснилось. Агата